

Богословско-историческая коллекция
**Духовные учебные заведения
и духовное просвещение в России**

Муравьев Н.И.

**МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ
АКАДЕМИЯ В ЛИЦАХ (1943-1948).
(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ
АРХИМ. ПЛАТОНА (ИГУМНОВА),
ПУБЛИКАЦИЯ И ПРИМЕЧАНИЯ
РЕДАКЦИИ)**

Богословские труды. Юбилейный сборник,
посвященный 325-летию Московской
Духовной Академии (1685-2010).
Сергиев Посад, 2010, №11-12. С. 858-898

© Сканирование и создание электронного варианта:

Учебный комитет РПЦ
www.uchkom.info

Московская православная духовная академия
www.mpda.ru

Москва, 2014

Н. И. МУРАВЬЕВ

МОСКОВСКАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ В ЛИЦАХ (1943–1948)

«Лишь у немногих знаемое воспоминание переходит в понимающее созерцание. Человек как будто уходит из настоящего и живет в прошлом. То, что уже достигло своего конца, продолжает жить как элемент содержания образованности»¹. Эти слова К. Ясперса, выдающегося христианского мыслителя XX века, в полной мере характеризуют мировоззренческий облик профессоров послевоенной Академии, пожелавших оставить для ее истории свои личные воспоминания, свои мемуары. Именно им было присуще то «понимающее созерцание», которое придает ценность и привлекательность их описаниям лиц и событий минувшего века. На свое академическое призвание они смотрели как на высокую и исключительную привилегию, ниспосланную свыше даром судьбы по неисповедимому изволению Божию. Всецело погруженные в стихию своей профессорско-преподавательской деятельности, они переживали свою соотнесенность с событиями церковной жизни, свою сопричастность к действию всеблагого Божественного Промысла, ведущего каждого отдельного человека и весь мир в его вселенском охвате к высшей конечной цели. Размышления над событиями личной и общей церковной жизни, рождаясь на грани времени, непрестанно переходящего в вечность, облакаются в форму воспоминаний и мемуаров, становятся достоянием местного предания и истории. Один из ярких примеров личных воспоминаний о жизни Академии — мемуары проф. Н. И. Муравьева.

Выпускник Киевской духовной академии, Н. И. Муравьев волей исторических судеб оказался насильственно отторгнутым от служения Церкви, к которому стремился с юных лет, будучи человеком Церкви по

¹ Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 362.

своему рождению и призванию. Жизнь человека в России после переворота 1917 года никак не способствовала углублению в среду высших и вечных ценностей. Она была всецело наполнена мятежным и неугомонным стремлением к гордому гуманистическому самоутверждению с его безотчетным стихийным порывом в неизвестное и туманное будущее. Предложенное обществу мировоззрение выявило свою ничтожность и совершенную несостоятельность в обнаружившемся бессилии и неспособности постижения таинства бытия. В забвении Бога, в попрании священных вековых преданий, в мифологически окрашенном революционном экстазе люди добровольно претерпевали материальную нужду и идеологический гнет. В социалистической стране не принято было жить в материальном достатке и иметь отличный от общественного сознания свободный и независимый взгляд на мир. Великая Отечественная война окончательно лишила людей покоя и созерцательности. Но она несла с собой и значительное религиозное пробуждение. В огне боев рождались искры веры, воскресали заветы благочестивых предков, облекались в броню надежды на Бога благословения и напутствия матерей. На гром войны Русь отозвалась звоном прежде молчаливых колоколов.

В воспоминаниях проф. Н. И. Муравьева о послевоенном возрождении Академии нашла аутентичное отражение та перемена, которая произошла в устроении немалой части народа, вновь осознавшего себя народом православным, народом Божиим. Возвращение Церкви ее великих исторических святынь, открытие храмов, возобновление богослужения, воссоздание системы пастырско-богословского образования — все это вызвало в православном русском народе прилив религиозного воодушевления и творческого энтузиазма, рождая настоящий ренессансный подъем. Под пером проф. Н. И. Муравьева зримо и значимо воскресает историческая пора послевоенной академической жизни. Из тени исторического забвения выступают образы современников и участников возрождения Академии — Святейших Патриархов Сергия и Алексия, Высокопреосвященнейшего митрополита Григория (Чукова). Неторопливой и степенной, но все же быстро сменяющейся чредой проходит перед читателем плеяда ректоров, профессоров Академии и церковных деятелей эпохи — первого ректора Н. В. Чепурина, затем С. В. Савинского, протоиерея Тихона Попова,

проф. Н. П. Доктусова, проф. Д. И. Боголюбова, пользовавшегося большим уважением в Академии проф. прот. Вениамина Платонова, проф. В. С. Вертоградова, превосходного специалиста в области библистики протопресвитера Николая Колчицкого, ответственного секретаря Патриархии Высокопреосвященнейшего митрополита Ермогена, прекрасного знатока истории западных исповеданий профессора протоиерея Александра Ветелева, дослужившего до времени ректорства епископа Владимира (Сабодана), филолога и литургиста проф. А. Н. Георгиевского, замечательного церковного публициста А. В. Ведерникова и многих других.

Одни из них (как например С. В. Савинский) закончили Киевскую духовную академию, другие (Вертоградов, Ветелев, Доктусов) — Казанскую. Все они были теми немногими носителями старой академической традиции, кто, как колосья после жатвы, уцелел от жестоких и беспощадных репрессий в годы революционного лихолетья. На их утомленные суровым жизненным подвигом плечи была возложена миссия передачи священных церковных традиций новым поколениям богословов и пастырей. Они, как добровольно сформированная команда, объединенная религиозным энтузиазмом и единодушием, повели корабль церковной русской науки после десятилетия стихийных потрясений и бурь в открывающийся простор исторической перспективы, в котором богословие Церкви, возложив на себя смелость в решении метафизических и этических проблем, оказалось вновь призванным пролагать для мира путь следования за *начальником и совершителем веры Иисусом* (Евр. 12, 2). Каждый из них воспринял свое служение в Академии, как всплеск прибрежной волны, за которой он ощущал напор целого океана неисчерпаемой мудрости пророков, апостолов и отцов в ее манифестации в многовековом духовном опыте Церкви. Каждый из них явил новый род любви к своему предмету, новую самоотверженность к своему призванию, новое благоговение и преклонение перед непостижимым таинством Церкви. Вся среда их профессиональной преподавательской деятельности была пронизана целостным видением Церкви и ее богозаповеданной спасительной миссии в мире. События и судьбы, призвание и служение, деяния и умонастроения — все, вплоть до самых сокровенных эмоциональных переживаний, оценивалось ими в свете христианской веры, в

свете богооткровенных источников и живого православного Предания. Примером христианской жизни, личным религиозным подвигом, учением, словом, писанием, наставлением профессора Академии служили утверждению в нашей русской жизни вечных евангельских идеалов, незыблемых устоев христианской веры и благочестия, служили сиянию славы Божией, и поэтому, словно в праздник Торжества Православия, в воспоминаниях проф. Н. И. Муравьева в их адрес явно и имплицитно, но всегда тепло и искренно звучит постоянный рефрен: «Вечная память, вечная память, вечная память!»

В панораме лиц из жизни послевоенной Академии сам Николай Иванович занимал не последнее место. Однако он со смирением в своих воспоминаниях отметил: «О себе я пропускаю. Пусть обо мне напишет друг летописца»². Восполняя очевидную лауну, ниже мы приводим краткую биографию Н. И. Муравьева, составленную на основании его двух автобиографий-автографов из личного дела, хранящегося в архиве МДА³.

Николай Иванович Муравьев родился на праздник Введения во храм Божией Матери 21 ноября 1891 г. в семье священника села Константиново Рязанской области (бывший Раненбургский уезд Рязанской области). Своё образование будущий профессор получил сначала в Раненбургском духовном училище, а затем — в Рязанской духовной семинарии, после окончания которой в 1911 г. поступил в Киевскую духовную академию. Здесь особое внимание Николай Иванович уделял изучению истории, о чём свидетельствует его академический диплом, где оценка отлично стоит напротив каждой дисциплины, прямо связанной с историей. Поэтому неудивительно, что темой его итоговой работы, которая увенчала окончание Киевской академии в 1915 году, становится исследование «Великие Четвѣ-Минеи Макария, митрополита Московского и всея Руси, как церковно-исторический и литературный памятник». Такая тема могла удовлетворить как благочестивый, так и научный настрой души Н. И. Муравьева.

² Архив МДА. Личное дело Н. И. Муравьева. С. 11.

³ См. также опубликованные ниже воспоминания К. Е. Скурата «Памяти профессора Московской духовной академии Николая Ивановича Муравьева».

Сразу же после окончания Академии Николай Иванович был мобилизован в армию, где участвовал в Первой мировой войне до 1917 года. На фронте он получил тяжелую травму — отравление газами — и до конца жизни страдал эмфиземой легких. В конце 1917 г. он был демобилизован, имея звание народного учителя, что позволило ему, вступая на гражданскую службу, в 1918 г. занять должность заместителя заведующего отделом внешкольного образования при Рязанском губернском отделе народного образования. Одновременно с этим Н. И. Муравьев преподает литературу и русский язык в средне-специальных школах. Однако так жил Николай Иванович совсем недолго — в августе 1919 г. он был мобилизован в ряды Красной Армии и далее участвовал в гражданской войне в качестве командира роты военнопленного батальона. Прослуживши 3 года, он был демобилизован в 1922 году.

В период с 1922 по 1935 г. Н. И. Муравьев служил в различных отделах, занимая должности по части бухгалтерии и экономики. Возможно, именно это могло повлиять на желание начальства назначить его казначеем Духовной академии в 1949 г. Однако от предложенной должности Николай Иванович смиренно просил его освободить по причине нехватки времени на научные занятия. С 1935 г. он работал преподавателем литературы и русского языка в Авиационном институте, а затем с 1942 по 1945 г. был старшим инспектором финансирования народного хозяйства при Кировском райфинотделе г. Москвы.

В 1944 году, наконец, исполняется давнее желание Н. И. Муравьева и его принимают на должность преподавателя общей церковной истории в Московский богословский институт, который уже в 1946 году был реорганизован в Духовную академию. Помимо истории древней Церкви он преподавал с 1949/50 уч. года патрологию на 2-м курсе Академии и с 1948 г. состоял секретарем Ученого Совета. Немалую часть времени занял его труд о Коптской Церкви. В 1951 г. Муравьев берется за исследование, которое поручил ему Совет Московской духовной академии. Почти сразу ему пришлось встретиться со скудостью материала по истории Коптской Церкви и полным отсутствием сведений о современном ее состоянии. Однако во многом помог митрополит Николай (Ярушевич), к которому он обратился с просьбой запросить

Александрийскую Патриархию о современном им состоянии Коптской Церкви. Через 3 года диссертанту присуждается звание доцента, а 5 марта 1958 года в Московской духовной академии состоялся магистерский коллоквиум, где Николай Иванович защитил диссертацию на тему «Коптская Церковь. Возникновение, история, вероучения»⁴, и наконец ему были присуждены ученая степень магистра богословия и звание профессора Академии.

Научные и учебно-педагогические интересы Н. И. Муравьева были достаточно многогранными. Так, в 1951 г. он предложил Совету Академии издать лекции по патрологии профессора КДА С. Л. Епифановича «в качестве учебного руководства» для студентов МДА — и через два года в библиотеку МДА поступил машинописный труд в трех томах⁵. Также он написал конспект по византологии⁶, которую он преподавал в Академии.

С 1948 по 1958 г. Николаю Ивановичу к преподавательской нагрузке добавляется должность секретаря Совета Московской духовной академии. В этот период он также пишет статьи, которые периодически помещались в «Журнале Московской Патриархии».

Однако в 1961 г., в связи с резким ухудшением здоровья, профессор Н. И. Муравьев подал прошение об освобождении его от академических должностей. Но даже после своего ухода из Академии Н. И. Муравьев не переставал интересоваться всеми сторонами жизни любимой Школы, всегда с радостью готов был написать рецензию на очередную работу, что делал с необычайной аккуратностью и тактом педагога до-революционного склада. Именно на это время (декабрь 1961 г.) приходится написание воспоминаний, предлагаемых вниманию читателя.

⁴ М., 1957. 282 с. (машинопись).

⁵ В своей докладной записке от 18 июня 1951 г. Н. И. Муравьев писал: «...Предлагаю печатать в форме учебника, машинописными страницами по частям:

Часть первая — Введение.

Часть вторая — Мужья апостольские.

Часть третья — Апологетическая и Полемическая Литература.

Часть четвертая — Христианская наука (III в.)» (Архив МДА. Личное дело Н. И. Муравьева. С. 27). В ноябре 1953 г. Н. И. Муравьев сдал машинопись в библиотеку МДА (Там же. С. 40).

⁶ Конспект по Византологии для 4 курса Академии. М., 1960. 111 с.

Смерть всеми уважаемого профессора совпала с праздником Рождества Предтечи и Пророка Иоанна. 7 июля 1963 года Н. И. Муравьева не стало. Отпевание было совершено в Успенском храме Новодевичьего монастыря Преосвященным Алексеем, епископом Таллинским (впоследствии Святейшим Патриархом Алексием II) вкуче с академическим духовенством. Пели местный и академический хоры. Проникновенное прощальное слово перед гробом покойного профессора Николая Ивановича Муравьева произнес преподаватель Академии игумен Симон (Новиков), впоследствии митр. Рязанский и Касимовский († 1 сентября 2006 г.).

Архим. Платон (Игуменов)

Публикация воспоминаний Н. И. Муравьева осуществляется по рукописному автографу, хранящемуся в архиве МДА, в котором содержится значительное количество по преимуществу церковно-исторических трудов профессора. Особое место среди них занимает папка с воспоминаниями и дневниками, в которой интересующая нас тетрадь помечена 4-м номером. В других тетрадях содержатся краткие дневниковые записи в основном 1930-х гг., отражающие преподавание автором русского языка в советских средних учебных заведениях, а также значительно более личные и лирические записи времени второй мировой войны. В «военной» тетради также содержатся и некоторые заметки об открытии Академии, которые, однако, значительно уступают по объему и содержательности публикуемым ниже воспоминаниям.

Надо учесть, что по обстоятельствам времени едва ли предполагалось печатание воспоминаний, скорее, это были памятные заметки для самого себя, в которых поэтому далеко не всегда можно в полной мере установить контекст высказывания. При публикации воспоминаний повторы были исключены, некоторые части перегруппированы, а также сделаны необходимые дополнения по стилю и по смыслу. За расшифровку и подготовку рукописи к печати особая благодарность выражается студенту 1-го курса МДА С. Н. Кирсанову. Заголовки разделов были добавлены редакцией журнала.

Редакция

МЕМУАРЫ. АКАДЕМИЯ С 1943 г.

Посвящается светлой памяти моей любимой
жены и друга Ольги Сергеевны Муравьевой,
скончавшейся в ночь с 22 на 23 октября 1961 г.

«Минувшее проходит предо мною..., волнуясь как море-океан»⁷

1. ПЕРВЫЕ ШАГИ ПО ВОЗРОЖДЕНИЮ МОСКОВСКИХ ДУХОВНЫХ ШКОЛ

Весною 1943 года на углу Новокузнецкой улицы и Вешняковского переулка неожиданно я встретил епископа Куйбышевского Алексия⁸ в статском платье с чемоданчиком в руке. Мы обрадовались друг другу. Епископ Алексей шел с синодального заседания (это было еще при жизни Блаженнейшего митрополита Сергия (Старгородского), потом Святейшего Патриарха) и в качестве новости сообщил, что Синод постановил снова восстановить в РПЦ духовно-учебные заведения. Правительство разрешило, и «всероссийский» староста [М. И. Калинин] способствует этому начинанию. Тут же я получил инструкцию, к кому обратиться с прошением, и день, когда можно было видеть архиепископа Саратовского Григория⁹, которому было

⁷ Прочитированы слова монаха Чудовского монастыря летописца Пимена из поэмы А. С. Пушкина «Борис Годунов»:

«На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?»

(Пушкин А. С. Сочинения. Т. 2. М., 1957. С. 276).

⁸ Алексей, архиеп. Куйбышевский и Сызранский (в миру Палидин Василий Михайлович, 1881–1952) — архиерей Русской Православной Церкви; назначен на Куйбышевскую кафедру в 1942 г. Принимал активное участие в сборе пожертвований для фронта: в епархии было собрано свыше 12 млн. рублей; участник Архиерейского Собора 1943 г. (Ермаков П. Ю. // ПЭ 1. 2000. С. 670–671).

⁹ Григорий, митр. (в миру Николай Кириллович Чуков; 1870–1955) — архиерей Русской Церкви; с 7 сентября 1945 г. — митр. Ленинградский и Новгородский, по-

поручено ведать организацией восстановления духовно-учебных заведений.

Я в то время служил на светской работе, а именно, занимал должность финансового инженера при Кировском <нрзб.> (Павелецкий вокзал). Занятый другой работой, все же интересовался церковной жизнью и все еще мечтал с неудовлетворенным желанием работать на педагогическом поприще в духовной школе. И вдруг это желание осуществляется; меня охватывает какой-то восторг и радость. Мне предстало прежнее переживание, с которым забыты были все страхи войны и налетов, и во мне осталась только тяжесть работы прошлых лет — лет только что окончившего студента. Кроме того, я получил предупреждение, чтобы я поторопился, ибо есть уже кандидаты на преподавательскую должность. Вечером я вернулся домой и рассказал Леле, которая тоже была в восторге и тайно мечтала об изменении материально-духовной нашей жизни в лучшую сторону. (Кратко об избрании Патриарха, изменение курса церковной политики.)

В назначенный день [8 сентября 1943 г.] я пришел в Патриархию (Чистый <пер., д.> 5), где назначено было собрание членов Синода на предмет избрания Святейшего Патриарха после смерти Патриарха Тихона¹⁰. На этом собрании я встретил <Алексия,> епископа Куйбышевского, и архиепископа Григория. С последним я беседовал довольно

стоянный член Св. Синода. В 1895 г. окончил СПбДА со степенью кандидата богословия, в 1897 г. рукоположен в сан иерея, в 1907 г. возведен в сан протоиерея. В 1942 г. принял монашество с именем Григорий, хиротонию в епископа и возведен в сан архиепископа Саратовского. Занимал Саратовскую кафедру в период с 14 октября 1942 по 26 мая 1944 г. По поручению Патриарха Сергия подготовил проекты организации духовных школ и положения о Православном Богословском Институте и богословско-пастырских курсах (Александрова-Чукова Л. К. // ПЭ 12. 1997. С. 592—596).

¹⁰ Со слов «где назначено...» фраза надписана над зачеркнутой: «куда снова собрались... Сейчас не могу сказать, по каким вопросам собирались они: т. к. был зимой занят собор».

Упоминание о смерти патриарха Тихона кажется анахронизмом, однако оно подчеркивает, что после Святейшего Патриарха Тихона у Русской Церкви не было ни одного Патриарха в течение 18-летнего периода. Воспоминания начинаются с описания событий, происходивших весной 1943 г., в то время как Местоблюститель Патриаршего престола Сергей был избран на патриаршество позднее — 8 сентября 1943 г.

долго. Он очень любезно принял меня, и разговор его как бывшего педагога был интересным и содержательным. Я просился в духовные училища, а Его Высокопреосвященство просил меня и в институты. И так, значит, просьба моя была принята. Я шел домой окрыленный, тем более что дома меня ждала супруга, <нрзб.> сочувствующая моей радости.

Я уже узнал, что техническим исполнителем и помощником архиеп. Григория был Сергей Васильевич Савинский¹¹ — бывший преподаватель догматики и инспектор Черниговской духовной семинарии, магистр богословия, начальник и учитель управляющего делами Патриархии прот. Н. Ф. Колчицкого¹². Н. Ф. Колчицкий рекомендовал С. В. Сав<инского> как строгого и требовательного учителя догматики. Помещался он один с печатной машинкой где-то под лестницей в Патриархии. Я у него часто бывал за справками о ходе дела по открытию Высшего духовного учебного заведения, справлялся по телефону. Мы с ним кончали одну Академию — Киевскую. Это еще более нас сближало. В большинстве случаев отсрочка открытия, по его словам, объяснялась ремонтом зданий, отданных Новодевичьему монастырю. Первоначально был отдан Лопухинский корпус и свободные помещения при церкви¹³. Церковь же была занята под какое-то складочное помещение. <...> Так в справках прошел 1943 год и наступил 1944. За это время я предпринял энергичную попытку освободиться от гражданской службы, которая увенчалась успехом с большим трудом в июне месяце 1944 г.¹⁴

За этот отрезок времени мы все жили в приподнятом настроении: кончилась страшная война, <за>кончились внутренние раскольничьи выступления, наступал внутренний и внешний порядок, возникали новые надежды, происходила переоценка ценностей.

Все эти явления обрушились на нас сразу: мы не успели после бомбежек и голода еще прийти в себя. Поэтому принимали все осторожно

¹¹ См. о нем ниже, примеч. 29.

¹² См. о нем ниже, примеч. 43.

¹³ В рукописи сверху стоит непонятная надпись.

¹⁴ Из дневниковой записи Н. И. Муравьева: «С 1 октября 1945 г. я освободился от гражданской службы по инвалидности» (Архив МДА. Дневники Н. И. Муравьева. Тетрадь 3. С. 59).

но. Сначала не была хорошо поставлена информационная часть, отчего первыми изъявившими желание учиться были ближайшие люди. Принимали исходя из наличия мест, не считаясь с подготовкой¹⁵. В результате среди принятых были пожилые люди и молодые, одни начитаны в религиозной литературе, другие — простецы, но все <с> благочестием искренним и с<о> страшным желанием учиться. Так, я помню одного из поступивших с немецкой фамилией (забыл фамилию). Он прислуживал у епископа в соборе и так ревностно, что пришел на службу накануне своей смерти. Многим <тем не менее> отказали.

2. ВОЗВРАЩЕНИЕ ХРАМА

Вскоре же после открытия Академии <в 1945 г.> была отдана Музею трапезная церковь Успения Пресвятой Богородицы¹⁶. Кроме этого здания была передана надвратная церковь Преображения Господня — церковь в стиле XVIII столетия, бывшая короткое время академической церковью. <Успенская> церковь <прежде> была занята каким-то учреждением под склад. Это событие вызвало взрыв патриотизма не только <среди> членов Академии, но и всего общества. Я был лично свидетелем, как с одним кондуктором-женщиной случился припадок истерики при неожиданном ударе монастырского колокола. А уже когда, по случаю открытия церкви, затрезвонили «во вся тяжкая», так все пассажиры трамвая пришли в восторг. Действительно, трогательно <было> слышать музыку колоколов после вынужденного их долгого молчания: большие ассоциации вызывает исторический колокольный звон. Честь первого удара принадлежала Алексею Ивановичу Георгиевскому.

После этого стал на очереди вопрос чистки помещения церкви, приведения <ее> в порядок и пригодность для богослужения. Академическое начальство во главе с ректором энергично взялись за это дело. В

¹⁵ М. Х. Трофимчук дополняет: «Но после первого курса половину воспитанников пришлось отсеять» (*Трофимчук М. Х. Академия у Троицы. Воспоминания о Московских духовных школах*. СПб, 2005. С. 13) (далее — *Трофимчук 2005*).

¹⁶ «Успенскую церковь Новодевичьего монастыря Патриарх Алексий освятил 29 декабря 1945 г.» (*Трофимчук 2005*. С. 15).

поисках мастеров видна благодетельная рука Господня. Среди первых студентов, поступивших во вновь организованную Академию, кажется, в числе второго приема оказался молодой человек по специальности реставратор, сын профессора старой Московской духовной академии Голубцова Александра Петровича¹⁷, Павел. Этот молодой человек, глубоко религиозный, на приемном экзамене на вопрос экзаменатора-профессора, почему он избирает в настоящее время изучение богословских наук, ответил: «Потому что богословие, по выражению древнего отца Церкви, есть наука наук»¹⁸. Церковность его этим была обнаружена сполна. В настоящее время он архиепископ Новгородский¹⁹ и до сих пор занимается иконографией. Именно ему академическое начальство поручило ремонт и реставрацию церкви. В качестве рабочих призвали студентов, одушевленных религиозным чувством служить своему академическому храму. Вся эта работа проходила в приподнятом настроении не за страх, а за совесть. Оплата работников была мизерная. Шли больше из благочестивых убеждений. Среди участников царило светлое духоносное вдохновение. Эта же артель потом реставрировала в Загорске здание Духовной академии. С каким замечательным христи-

¹⁷ Александр Петрович Голубцов (1862–1911). Профессор церковной археологии и литургики в дореволюционной Московской духовной академии, доктор богословия. См. о нем выше в воспоминаниях Д. А. Маркова.

¹⁸ Ср. у прп. Иоанна Дамаскина в «Исповедании православной веры» (3, 18).

¹⁹ Сергей, архиеп. (в миру Павел Александрович Голубцов; 29 апреля 1906 г. — 16 июня 1982 г.). Сын профессора МДА Александра Петровича Голубцова. По окончании Сергиево-Посадской единой трудовой школы 2 степени получил специальность реставратора. В 1928 г. принимал участие в сохранении величайшей святыни — главы прп. Сергия Радонежского — от поругания. В 1930–1933 гг. отбывал ссылку в Северном крае. До начала второй мировой войны работал в учреждениях Москвы художником-оформителем. По окончании военной службы в звании сержанта 6-го учебного запасного автополака поступил в Богословский институт по благословению своего духовника схиархимандрита Илариона (Удодова). Работу по реставрации Покровского храма осуществлял в 1946 г. во время учебы в Семинарии. В последующие годы занимался реставрацией Царских чертогов (1948 г.) и Троицкого собора (1950–1952) Лавры. Выпускник МДА (1951 г.). Преподавал в Академии церковную археологию, древнееврейский язык и Новый Завет. 30 октября 1955 г. хиротонисан во епископа Старгородского. Управляет Новгородской епархией до 1967 г. С 1968 г. до 1982 г. пребывал на покое в Троице-Сергиевой Лавре, похоронен на территории некрополя Свято-Духовской церкви. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 169–174.

анским терпением они переносили неудобства <...> — пыль, грязь, холод и проч<ее>. Ни одной жалобы, ни одной ссоры или доноса. На свою работу они смотрели как на послушание церковное, которое выполняли с молитвой и неленостно. Но зато и работа была отличная. Нужно было удивляться, как студенты, никогда не бравшие в руки скальпель, смогли так чисто очищать и так прекрасно восстанавливать красивую старину!

Одновременно шла работа в поисках иконостаса, так как подлинный иконостас был сломан и неизвестно куда девался. Нашли подходящий в случайных хранилищах (остался от какой-то закрытой церкви), его предоставил не то Музей, не то Совет по делам Православной Церкви. Иконостас приспособлен был к нашему храму тем же студентом П. А. Голубцовым и поставлен товарищеской артелью. Я помню освящение храма в 1945 году, в котором принял участие Святейший, прот. о. Н. Колчицкий, прот. Вениамин <Васильевич Платонов и> проч<ие лица>. С этих пор храм стал числиться при Богословском институте, и на первый раз все даже шло в пользу Института. Кем это было санкционировано, я не знаю, документов письменных на этот счет я не видел. Потом пришлось отвечать за ведение дел нам же.

Всеми хозяйственными делами ведал малый совет, состоящий из трех лиц: проректора С. В. Савинского, инспектора А. В. Ведерникова и секретаря А. И. Георгиевского. Они сделали воззвание по церквям через благочиния о жертвовании в храм облачений. Призыв не оказался бесплодным. В скором времени скопилась целая ризница. Вообще, академическое начальство старалось сблизить приходское духовенство с Академией. <В то время> членом правления Академии был о. Александр Скворцов. Эта идея была хороша, но она мало кем сознавалась.

Охвативший Академию внутренний религиозный подъем захватил также и общественность. За богослужением церковь переполнена, сборы были огромны. Они являлись, как жертва Богу. Среди денег попадались ценности: кольца, браслеты, серьги, драгоценные камни, золото в монетах старого времени. Конечно, такие ценности были исключением, но все же они служили показателем духовного роста народа.

Я уже упомянул, какое впечатление произвел первый удар могучего колокола, молчавшего на колокольне много лет. А с каким настроением

приходили граждане на богослужение! Надо было видеть! Богослужение в академической церкви всегда шло с великим подъемом. Служило академическое начальство и студенты. Пели два хора: правый и левый. За ящиком стоял староста, назначенный ректором с благословения Святейшего, — профессор Доктусов. Церковь была наполнена молящимися и любопытствующими. Все кругом радовались и ликовали, и не было видно и заметно какой-либо политики. Было вокруг пасхальное время!

По обстоятельствам времени в духовную школу в большинстве своем поступали молодые люди, умеющие только креститься и без всяких <даже> примитивных познаний в богословии, не умеющие читать по ц<ерковно>-славянски. Они слышали в самих себе голос Божий, призывающий их на службу Церкви. Впоследствии они научились чтению. Другую категорию составляли те, кто хорошо знал чтение на ц<ерковно>-славянском. На вопрос, где учились читать по ц<ерковно>-славянски, отвечали: у бабушки, у матери. Таким образом, женщины — искони самые близкие воспитательницы. Впрочем, такая картина повторяется до сего дня. Церковь давала дальнейшее воспитание. Вот почему главное внимание атеистов обращено на поступающих в школу (препятствия для поступающих: специальная агитация, ущемления гражданского характера, беспорядки в Церкви). В церкви совершалась служба ежедневно, и в ней по очереди участвовали в качестве чтецов и певцов все учащиеся. Руководили ими более или менее опытные участники из самих же учащихся под контролем учителя пения. Кроме того, классы Семинарии частично помещались в комнатке, примыкающей к церкви непосредственно: это позволяло учащимся заходить <в нее> между уроками. Итак, Церковь и школа, их идеальное взаимоотношение получило удовлетворительное выражение.

3. САМЫЕ ИНИЦИАТИВНЫЕ ЛИЦА

По порядку следует сказать о начальстве Богословского института и Пастырских курсов. Как я <уже> сказал выше, организационный период Института технически проводил Сергей Васильевич Савинский. На этом фронте, в сущности, он был один: он следил за ремонтными

работами, он составлял сметы, он набирал преподавателей, он же сам был преподаватель и воспитатель. К нему я часто обращался за справками о начале занятий. Он был пожилым человеком, страдающим астмой. Как преподаватель С. В. Савинский был строг, его боялись ученики. С ним и с его семьей я познакомился, и мы с Лелей два года жили вместе <с ним> на даче. <Но> об этом потом.

Сергей Васильевич так и остался на своем месте: он был назначен проректором Института.

Мне помнится один из организационных актов Сергея Васильевича. Как-то весной 1944 года я получил извещение прибыть на организационное собрание в Патриархию. На собрании в комнате заседания я застал, кроме самого Сергея Васильевича, несколько незнакомых мне людей: полуслепого старца прот. Т. Д. Попова²⁰, прот. о. Андрея Расторгуева²¹, служивших в церкви Воскресения в Сокольниках; Н. П. Доктусова²², А. И. Георгиевского²³ и А. В. Ведерникова²⁴. Со всеми ними я познакомился потом, а сначала никого не знал. Помнится, мы мало рассуждали об организации Института, ибо все уже предрешено было свыше. А вот занятие места секретаря <хорошо> помню. Тогда я не понимал, о каком секретаре речь идет — о секретаре собрания или о секретаре Института? Я почему-то думал, что речь идет о секретаре настоящего собрания²⁵. Сергей Васильевич объявил: «Не желает ли кто занять эту должность?» А. И. Георгиевский с готовностью сам пересел на место рядом с Сергеем Васильевичем, возбудив во мне недоумение, почему ему нравится эта скучная работа. Оказывается, что с этого времени А. И. <Георгиевский> охотно занял высокое место секретаря Института. Мне казалось тогда, что это место смог бы занять А. В. Ведерников, но <он> прозевал пересесть, А. И. <Георгиевский> оказался попроворнее. В дальнейшем они работали дружно между собой

²⁰ См. о нем ниже, примеч. 67.

²¹ Андрей Расторгуев (1893–1970), протоиерей, бывший обновленческий архиепископ, настоятель храма Воскресения в Сокольниках. См.: *Пушков 2002*. С. 64–65.

²² См. о нем ниже, примеч. 57.

²³ См. о нем ниже, примеч. 40.

²⁴ См. о нем ниже, примеч. 36.

²⁵ В рукописи слово «Совета» исправлено на «наст<оящего> собрания».

и даже с некоторой трогательностью. Биографии обоих мало известны. Известно только, что они <оба> кончали некий скоро открывшийся и быстро закрывшийся Институт слова²⁶. Какие они представляли диссертации и какие они проходили средние учебные заведения, тоже слабо известно. Впрочем, относительно А. И. <Георгиевского> известно, что он обучался в Перервинской духовной семинарии, <в> которой окончил 3 класса. Словом, оба не имели богословского образования, но имели горячую ревность по вере и влияние на текущую жизнь Академии. Центром такого влияния находим трех лиц — С. В. Савинского, А. И. Георгиевского и А. В. Ведерникова. Они управляли, пользуясь покровительством митрополита Николая.

Первым ректором Института (Академии) был назначен миссионер Н. В. Чепурин²⁷, бывший миссионер харьковский, а потом петроградский. Карьера его шла по пятам миссионера Д. И. Боголюбова²⁸, с которым он вместе служил. Мы мало его знали, но видели, что он был хороший знаток <учебного дела>. На заседание Совета он приходил в кожаном пальто и кожаной фуражке. <Впоследствии> протоиерей

²⁶ Институт живого слова был открыт в Петрограде в 1918 г. В. Н. Всеволодским-Гернгроссом (1882–1962). Он просуществовал до 1924 г.

²⁷ Николай Викторович Чепурин (1881 — 7 февраля 1947), протоиерей, профессор. Родился в Харьковской губернии. В 1902 г. окончил Харьковскую духовную семинарию. В 1903 г. принял сан священника и занялся миссионерской деятельностью среди сектантов на приходе в селе Павловка (Сумский уезд Харьковской губернии). В частности, в результате успешного диспута ему удалось вернуть в лоно Православной Церкви известного толстовца и сектанта князя Хилкова. С 1911 г. назначен епархиальным миссионером-проповедником в Новгородской епархии. В 1916 г. окончил СПбДА. С 1919 по 1928 г. — проректор богословского института в Петрограде, где читал лекции по гомилетике и апологетике. В 1927 г. защитил магистерскую диссертацию на тему «Анимистическая теория происхождения религий». С 1930 г. в течение 15 лет находился в тюрьмах, ссылках и лагерях. В 1946 г. был призван патриархом Алексием на должность инспектора, а затем (с 23 октября) — ректора МДА, правда всего на три месяца. «Во время запричастного стиха (1 октября 1946 г.) отец Николай обратился к учащимся с приветствием и назиданием. В этом слове он указывал на сущность монастырского подвига, который состоит в том, чтобы все свои силы, все свое существо принести в жертву Пастыреначальнику, волю Которого призван исполнить каждый христианин, а священнослужитель в особенности» (*Трофимчук 2005. С. 17–18*). См. также: *Пушков 2002. С. 86–91*.

²⁸ См. о нем ниже, примеч. 34.

<Николай> Чепурин переоделся в духовные одежды и принял вид, приличествующий своему сану и должности. Кажется, на прежней службе он работал инженером. Он был болен сердцем и от этого быстро скончался. Мне с ним пришлось один раз встретиться и говорить. Он ознакомился с моими записками по общей церковной истории, порадовался моей работе и сказал: «Я вижу, вы работаете успешно, надо это все отдавать в печать». Жаль, что прослужил недолго. Говорят, что в последнее время своей жизни он, гуляя по монастырю, часто плакал, как бы предчувствуя свою скорую смерть. После кончины <прот. Николая Чепурина> мы долго еще видели его матушку в качестве продащицы свечей, просфор в академической церкви. Она жила в полуподвальной комнате под алтарем академической трапезной церкви, где потом временно размещалась академическая библиотека.

Вторым лицом в академической корпорации был проректор С. В. Савинский²⁹. По субординации С<ергей> В<асильевич> — второе лицо, а фактически он должен быть признан первым лицом. Он бывший инспектор и преподаватель Черниговской духовной семинарии. В революционное время С<ергей> В<асильевич> оказался в Москве и работал по счетному делу, откуда его вытащил покойный протопресвитер Колчицкий, его ученик по духовной семинарии. В это время жил он очень скромно. В Патриархии первоначально он был занят один канцелярской работой по ремонту помещений Новодевичьего монастыря, отданных правительством под духовно-учебные заведения. Старое здание Академии в Свято-Троицком Сергиевом м<онасты>ре в Загорске

²⁹ Сергей Васильевич Савинский, прот. (1877—1954). Родился в Ярославской губернии в семье сельского священника. Окончил Киевскую духовную академию (1900). Преподавал догматическое богословие в Черниговской духовной семинарии (1901—1918). В 1907 г. Киевская духовная академия удостоила его звания магистра богословия. В первый период своей преподавательской деятельности С. В. Савинский много публиковался в церковной периодической печати. Принял активное участие в возрождении Московской духовной академии. Первоначально с 1 декабря 1943 г. — проректор Богословского института и заведующий Пастырско-богословских курсов. «Тогда он еще не был в сане. Вид у него был очень строгий, аккуратный: темно-серый костюм, галстук, маленькая бородка — настоящий профессор» (*Трофимчук 2005*. С. 21). В скором времени (с 23 октября 1946 г.) — инспектор, а затем — ректор Московской духовной академии (7 февраля — 28 октября 1947 г.). Рукоположен в сан пресвитера 31 августа 1947 г. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 78—85.

было в то время запущено и занято жильцами. Кроме этого, среди административных лиц шел спор. Одни, как например С. В. Савинский, А. И. Ведерников и другие из преподавателей, настаивали остаться в городе [Москве] и никуда не переезжать и здесь располагаться. Другие во главе со Святейшим стояли на восстановлении старой Академии как с внешней, так и с внутренней стороны. Последняя партия имела преимущество. Начиная примерно с 1946 г. идет в Загорске спешная ремонтная работа, в которой активное участие принимал С<ергей> Васильевич. С. В. <Савинский> был прекрасный преподаватель: <он> хорошо владел предметом, <был> хладнокровный, объективный и твердый; а среди студентов пользовался репутацией «строгого». Кроме прямых своих обязанностей он работал в качестве церковного старосты, или казначея; по крайней мере, служил по этой линии сначала: часто его можно было видеть считающим горы бумажных денег. Часто мы мобилизовались в помощь ему. Сначала я со своей семьей был близок к нему. В его семье была жена, дочь и внучка Светлана. Мы с ним жили на даче в Сходне в одном доме. Года через три он принимает сан священника. Он ходил на урок в Новодевичий монастырь и потом ездил в Загорск с чемоданчиком, в котором укладывались ряса и прочие священнические принадлежности. Умер он в августе месяце 195<4> г. от удара сердечного. Я был на похоронах. Он скончался на своей служебной дороге. Он не был эффективным, но был тихий спокойный труженик и ценный³⁰ работник. Сергей Васильевич был человеком твердого характера. На уроках догматики он выпрашивал все полагающие <ся> тексты Св. Писания буквально и наизусть по ц<ерковно>-славянски. На баллы он был справедлив (пятерок было мало). Он был таким же и в мирное время, когда служил еще в Черниговской духовной семинарии. Студенты его боялись. За последнее время он часто ослабевал: засыпал в вагоне, на уроке, на экзамене.

Последние дни его омрачились разладом в коллективе преподавателей. Случай с рецензией на сочинение <П. В.> Гнедича³¹ отделил

³⁰ Слева на полях и снизу под словом в рукописи повторно написано: «ценный».

³¹ Петр Викторович Гнедич (2 января 1906 г. — 19 августа 1963 г.), протоиерей, профессор МДА. Род. в семье юриста. Окончил Туапсинский промышленный техникум, в 1927–1930 гг. учился на Высших литературных курсах в Москве, в

С. В. <Савинского> от остальных профессоров, и как-то само собой создалась в корпорации иная ориентация. Гнедич — студент IV <курса> 1-го выпуска. Человек развитый, но неизвестно, что он кончал. По анкете, не подтвержденной документами, он с севера спускался на юг. И здесь в Новороссийске, в свое время, учился у Н. П. Доктусова. Мнения о себе высокого. Он был в хороших отношениях с проректором С. В. Савинским и инспектором А. В. Ведерниковым. Благодаря последнему Гнедич закончил Академию в три года, перепрыгнув через один (3-й) курс. По окончании Богословского института он тут же на-

1930—1932 гг. окончил 2 курса Калининского педагогического института. Работал библиотекарем в научных библиотеках, бухгалтером в ряде учреждений. Являлся членом общины сщисп. прот. Сергия Мечева при храме во имя свт. Николая в Кленниках, был духовным сыном сщмч. Василия Надеждина. 15 апреля 1932 г. арестован в Москве «как активный член маросейской общины». Постановлением Секретного политического отдела ОГПУ от 22 апр. 1932 г. обвинялся в участии в «контрреволюционной организации Истинно-православная церковь» (по ст. 58 п. 11 УК РСФСР). «Я принадлежу к Православной Церкви, — отвечал он следователю. — Отношение советской власти к Православной Церкви, как то: закрытие храмов, монастырей, отображение мощей, икон, высылка духовенства — я считаю ошибочным, потому что вызывает подозрениями Церкви в контрреволюционных замыслах, основанных на отношении Церкви к власти до революции, которых в настоящее время я не знаю. В Москве я посещал разные храмы, чаще был: у Николая Чудотворца в Соломенной сторожке, в Николе Явленном на Арбате, у Георгия на Неполье и у Николая в Кленниках... Никаких разговоров контрреволюционного характера и, в частности, разговоров о том, что советская власть производит гонения на религию и духовенство, я нигде и ни с кем не проводил...» (ЦА ФСБ. Д. Р-39811. Л. 82 об.—83). Постановлением особого совещания при Коллегии ОГПУ 16 мая 1932 г. Гнедич был приговорен к 3 годам ссылки, которую отбывал в Алма-Ате. После освобождения в 1938 г. Гнедич поселился в Новгороде. В 1946—1949 гг. обучался в МДА, которую окончил со степенью кандидата богословия за сочинение с обзором русской богословской литературы, посвященной догмату искупления. Работа получила высокую оценку протоиерея С. Савинского. (Диссертация была частично издана в «Богословских трудах»: «Догмат Искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия (первая половина XX столетия)» (БТ 37. 2002. С. 128—152) и полностью — издательством Сретенского монастыря «Догмат Искупления в русской богословской науке (1893—1944)» (М., 2007. 496 с.)). В 1949 г. был рукоположен во иерея (позже — протоиерей), некоторое время служил в Ташкентском кафедральном соборе. В 1950—1951 гг. по приглашению Ленинградского митрополита Григория (Чукова) работал в ЛДА помощником библиотекаря, затем был доцентом по кафедрам догматического богословия и гомилетики. Одновременно служил в Троицкой церкви на проспекте Обуховской обороны в

чал писать магистерскую³² диссертацию по догматическому богословию у С. В. Савинского, точно не помню на какую тему, но знаю, что библиографического характера, вроде краткого обзора литературы о спасении. Рецензенты Савинский и прот. Ветелев³³ стали на его сто-

Ленинграде, в 1955 г. полностью перешел на приходскую работу. Много проповедал, интенсивно занимался литературно-богословскими трудами. Опубликовал ряд статей в ЖМП, в 1956–1959 гг. подписывал их псевдонимом свящ. П. Викторов. 11 июня 1962 г. защитил магистерскую диссертацию «Догмат искупления в русской богословской науке последнего пятидесятилетия (1893–1944)», 17 июня утвержден в степени магистра богословия. В 1962 г. был приглашен в МДА, прочитал курс лекций по патрологии и византиноведению, получил звание профессора. Похоронен на Охтинском кладбище в Ленинграде. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 223–225.

³² Вместо зачеркнутого слова «кандидатскую».

³³ Александр Андреевич Ветелев (24 ноября 1892 г. — 28 июня 1976 г.), протоиерей, профессор МДА. В 1907 г. окончил Нижегородское духовное училище, в 1913 г. — Нижегородскую духовную семинарию, направлен в Казанскую духовную академию. Будучи студентом, состоял членом философско-богословского кружка, посещал лекции по истории философии в Казанском университете. В 1917 г. окончил Академию со степенью кандидата богословия (кандидатское сочинение «Н. И. Новиков, жизнь и мировоззрение»). В 1917 г. призван в действующую армию, в течение года служил матросом на Черноморском флоте. В 1920 г. женился на М. Е. Пчельниковой. В 1921 г. окончил Высший социально-юридический институт в Севастополе, до 1923 г. работал преподавателем средней школы в Севастополе. В 1923–1924 гг. заведовал ФЗУ в поселке Растяпино (впоследствии г. Дзержинск) Нижегородской губернии, в 1924–1930 гг. являлся заведующим школой «городка для беспризорных детей» в г. Пушкино близ Москвы. В 1924–1929 гг. учился на вечернем отделении факультета русского языка и литературы Московского педагогического института. В 1930–1935 гг. преподавал в средней школе в Москве, в 1935–1943 гг. — в средней школе в г. Щёлково Московской области. В 1943–1944 гг. по трудовой мобилизации работал в Тимирязевской сельскохозяйственной академии. В 1944–1945 гг. — преподаватель средней школы № 87 г. Москвы. С сентября 1945 г. Ветелев преподавал гомиетику в Московском православном богословском институте. 6 марта 1946 г. Патриархом Московским и всея Руси Алексием I рукоположен во диакона, 10 марта — во священника. В 1949 г. защитил магистерскую диссертацию, представив в совет МДА курс лекций по гомиетике. С 1949 г. преподавал в МДА патрологию, с 1951 г. — пастырское богословие, с 1953 г. — литургику. В 1957 г. оставил преподавание в МДА, чтобы всецело посвятить себя пастырскому служению (служил в московских храмах: Успенском (в Новодевичьем монастыре), Пимена Великого в Новых Воротниках, Покровском на Лышниковой горе, Знаменском у Рижского вокзала) и работе над докторской диссертацией. В 1965 г. вернулся к преподавательской деятельности, читал в МДА курсы гомиетики и нравственного богословия. 26 декабря 1967 г. Ветелев защитил доктор-

рону. А Святейший, информированный, кажется, прот. Колчицким, разгневался и нашел мнение Гнедича неправославным. И не допустил к защите. Академический Совет разделился на две неравные части. На одной стороне в числе защитников Гнедича были проф. прот. С. В. Савинский, прот. доцент Ветелев, священ. Карчевский, А. В. Ведерников (к тому времени уволенный со службы) и, кажется, всё. На другой стороне — все остальные. Мне представляется, что последняя партия была главной партией; она стояла за строгое, почти буквальное возрождение старой школы — Духовной семинарии и академии. Реформа касается только самого метода преподавания. Идеал рисовался — создание культурного студента-богослова. Идеал первой партии — омоложение персонала учебного и какая-то расплывчатая свобода в богословских мнениях. Душою такого движения, по моему мнению, был Гнедич, который много говорил о своей работе, которая должна была сделать якобы что-то новое в догматике. С<ергей> В<асильевич> поддерживал это движение, а потому чувствовал себя неловко со мной и др<угими> товарищами. В сущности, это был хороший, отличный проректор. Вечная память!

Один из известных профессоров, уважаемый профессорами и студентами, был бывший синодальный миссионер Дмитрий Иванович Боголюбов³⁴. В это время он был уже священником. Я с ним встречался

скую диссертацию «Божественная Литургия», в приложении к которой был помещен сборник годичных поучений (ок. 200). Скончался после продолжительной болезни, похоронен на Ваганьковском кладбище. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 28–35.

³⁴ Дмитрий Иванович Боголюбов (17 февраля 1869 г. — 22 июня 1953 г.). Родился в семье псаломщика. В 1890 г. окончил Самарскую семинарию. В 1894 г. окончил МДА, магистрант, тамбовский епархиальный миссионер. С 1898 г. — харьковский епархиальный миссионер, с 1903 г. — петербургский епархиальный миссионер. В 1913 г. — инспектор Ставропольской семинарии. С 1914 г. — инспектор Воронежской семинарии. Принимал участие в заседаниях Собора 1917–1918 гг. как член Предсоборного Совета. В 1922 г. — иерей, приходской священник в Москве. В 1943 г. участвовал в возрождении духовных школ. Патриарх Сергей хотел назначить его ректором Богословского института, но председатель Совета Карпов воспротивился, сославшись на антисоветское выступление Боголюбова на Соборе 1917–1918 гг. Был профессором истории раскола в Московском православном богословском институте, а затем — в МДА. Участвовал в Поместном Соборе 1945 года. В 1947 г. — магистр богословия. С 1951 г. на пенсии, духовник Троице-Сергиевой Лавры. «Видели

во время активного выступления обновленцев <против> Патриаршей Церкви на С.³⁵, где он возглавлял крыло православных. Это любопытное собрание достойно отдельного освещения. Это был старик горячо верующий, прекрасный богослов и оратор. Он преподавал в Семинарии историю Ветхого и Нового Завета. Изредка — старообрядчество или сектантство. Он был в таком старческом периоде, когда люди засыпают на лекциях. Чтобы не уснуть на уроке, он пел с целым классом молитвы. <Наряду со своими разносторонними интересами> он был страшный любитель пения. В молодости он был регентом студенческого хора в академической церкви. Все это воскресало у него на этих уроках импровизированного пения. Пел он со студентами хорошо. Интересно прожитая жизнь, интересные встречи с известными людьми мира прошлого делали его частные беседы интересными. Впрочем, в деле пересказа прошлой жизни неподражаемым рассказчиком была супруга Д. И. <Боголюбова> Екатерина Васильевна. Она увлекалась рассказами, особенно теми, где заметно ее участие. Я очень жалею, что в свое время не записал <ни> одного рассказа. Около него всегда можно было видеть студента, добровольно исполняющего обязанности послушника: подавал <нрзб.> палку, приезжал утром с академической машиной за ним, ездил в баню. Студент смотрел на это как на подвиг. Среди студентов он пользовался большим авторитетом.

Анатолий Васильевич Ведерников³⁶ — инспектор, молодой человек

вы рожь? — спрашивал он. — Полный колос всегда наклонен вниз, а пустой держится прямо. Так и люди: скромные — это полные колосья, а надменные — те, что стоят прямо» (*Трофимчук 2005. С. 19*). Подробнее см.: *Пушков 2002. С. 21–27; Матюшин С., диак. // ПЭ 5. 2002. С. 457–458.*

³⁵ Не ясно, что имеется в виду.

³⁶ Анатолий Васильевич Ведерников (19 октября 1901 г. — 30 октября 1992 г.). В 1921–1924 г. учился в Институте слова, защитив кандидатское сочинение «Природа поэтического образа». С 1927 г. начал заниматься педагогической деятельностью в вузах г. Москвы. С мая 1942 г. работал завучем и педагогом Центральной музыкальной школы при Московской государственной консерватории, с 1943 г. — преподаватель консерватории. С самого начала существования Богословского института занимал должность его секретаря и инспектора (1944–1946). Преподавал историю русской религиозной мысли. В 50-х и начале 60-х гг. — ответственный секретарь редакции ЖМП. Подробнее см.: *Полищук Е. С. Анатолий Васильевич Ведерников (1901–1992) // ЖМП. 1993. № 6. С. 103–112; Пушков 2002. С. 40–45; Матюшин С.,*

лет 30³⁷, энергичный, веселый, горячо верующий, но верующий в духе «богоскательства». Ему не удалось сделать карьеры: его скоро (примерно в 1948–1950 г.)³⁸ Святейший уволил без указания причины по телефону из Крыма³⁹. Он имел дело с Гнедичем, о. Н. Колчицким, С. В. Савинским, <занимался> ремонтом Академии в Лавре.

Алексей Иванович Георгиевский⁴⁰ — преподаватель церковного устава и литургики, теперь профессор. Молодой <тогда> человек, хороший друг А. В. Ведерникова, потом они разошлись. Окончил три класса духовного училища в Перерве, а потом — Институт живого слова. Хороший знаток церковного устава и библиофил. Очень близко

диак. Ведерников Анатолий Васильевич // ПЭ 7. 2004. С. 366–367.

³⁷ Должно быть, Анатолий Васильевич очень молодо выглядел. В действительности ему было уже более 40 лет.

³⁸ А. В. Ведерников был уволен в 1948 г. Формально он был отстранен от преподавания истории русской религиозной мысли в связи с тем, что согласно «Изменениям, внесенным в положение о духовных учебных заведениях» из программы была устранена история философии.

³⁹ Данный эпизод глубоко запечатлелся в памяти рассказчика, который в другом месте своих воспоминаний писал о том, что Ведерников был уволен «совсем, срочно, даже по телефону. Уволил Местоблюститель по доносу архиеп. Григория, кажется, из Сочи, где в то время лечился Местоблюститель. По какой причине и за что — нам неизвестно».

⁴⁰ Алексей Иванович Георгиевский (14 января 1904 г. — 4 декабря 1984 г.), российский богослов и филолог. Родился в семье псаломщика (затем ставшего диаконом) Ильинской церкви в Черкизово. Окончил Перервинское духовное училище (1918), единую трудовую школу (1922), Государственный институт слова со степенью кандидата словесности. До 1943 г. преподавал русский язык и литературу в средних и высших учебных заведениях. С 1943 г. — член комиссии по подготовке и открытию духовных школ в Москве. С 1944 г. — доцент кафедры литургики и ученый секретарь Богословского института. «Алексей Иванович подарил институту свою личную библиотеку, содержащую лучшие богословские и святоотеческие сочинения» (*Трофимчук 2005*. С. 13). С 1958 г. — профессор, с 1974 г. — заслуженный профессор Московской духовной академии по кафедре литургики и стилистики русского языка. В 1948 г. выступил с докладом о церковном календаре на Советании глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Поддержал сохранение в Церкви юлианского календаря, критиковал григорианский календарный стиль. Был членом совета и правления Московской духовной академии. В 1950–1953 гг. — и. о. ответственного секретаря редакции ЖМП. В 1954–1959 гг. — член Отдела внешних церковных сношений. См.: *Пушков 2002*. С. 46–51.

стоял к митрополиту Николаю⁴¹. Всегда любящий, никогда я не видел его злобным.

Прот. Вениамин Васильевич Платонов⁴². Полный веселый человек, прекрасный преподаватель Св<ященно> Писания Нового Завета, настоятель церкви Всех святых, в земле русской просиявших. Умер от рака. Я помню, он на Совете сделал демонстрацию: прекратил разговор и вышел из собрания. Человек с темпераментом. Больше о нем <никто> ничего не помнит.

Прот. Н. Ф. Колчицкий⁴³. Протопресвитер. Был у нас немного. С ним у нас связана неприятная история. О. протопресвитер, нужно сказать, был большой знаток литургики и имел большой опыт по практическому руководству. Он увлекался этими предметами и к тому же был прекрасным оратором. Его слушать было приятно. В то время дело <возрождения духовных школ> было в руках церковных верхов, а дипломаты, решавшие этот вопрос, были под всецелым влиянием верхов. Тогда боролись две точки зрения на возрождающуюся школу: точка зрения большинства стояла за школу по форме старую, а меньшинство — за школу реформированную (Т. Д. Попов, архиеп. Григорий и др.). Это положило <начало> разделению, которое <продолжалось некоторое время> и, кажется, влияло и на другие вопросы. <...>⁴⁴ Так в этот

⁴¹ Николай (Ярушевич) (31 декабря 1891 г. — 13 декабря 1961 г.), митрополит Крутицкий и Коломенский. Проповедник и богослов. Первый по времени председатель Отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата (с апреля 1946).

⁴² Вениамин Васильевич Платонов (1883–1948), протоиерей, русский православный экзегет. Род. в Белгороде в семье священника. Окончил Харьковскую духовную семинарию (1903). После рукоположения во иереи служил в приходских храмах. В 1910 г. окончил МДА и был назначен законоучителем Елизаветинского института. В 1917 г. за работу «Повествование Евангелия Иоанна о прощении Господом Иисусом Христом жены-грешницы» (СП, 1916) получил звание магистра. С 1945 г. до конца дней был настоятелем московской церкви Всех Святых (близ которой он и погребен). См.: *Пушков 2002*. С. 35–37.

⁴³ Николай Федорович Колчицкий (17 апреля 1890 г. — 11 января 1961 г.), священник Русской Православной Церкви, протопресвитер (с 1945 г.). Настоятель московского Богоявленского патриаршего собора в Елохове (с 27 декабря 1924 года); управляющий делами Московской Патриархии (1941–1945). Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 18–20.

⁴⁴ Следуют зачеркнутые слова: «А. В. <Ведерников> в частных беседах с нами проводил ту мысль».

момент подготавливалась замена профессора по кафедре Пастырского богословия, которую занимал, кажется, Ветелев и на которую подал о. Колчицкий. <...>⁴⁵ А. В. В<едерников> с нами вел частную беседу по этому вопросу и настойчиво проводил ту мысль, что Местоблюститель митрополит Алексей <Симанский> не выражает желание, чтобы такой ценный в церковном управлении человек, как протопресвитер Колчицкий, был утерян для управления. Его не следует на Совете избирать, так хотел митрополит Алексей. Я лично и многие другие недоумевали и недоумевают по этому поводу. Мы думали, что это самая обычная безобидная вещь. Так и сделали. Из 20 голосов положительный был только один. Тут-то поднялась целая буря. Провал же первого протоиерея во всей РПЦ! Помню, как-то был прием у Патриарха, где случайно в саду мы встретились — Колчицкий, Ведерников, Доктусов и я. Поздоровались. О. Протопресвитер начал в раздраженном духе, обращаясь к Ведерникову, что его провал — дело рук его, Ведерникова. Он отрицал, указывал на нас, что это дело не его, а Совета. Разговор был крупный, не знаю только, чем он закончился. Он всю жизнь хранил эту обиду, но ничего худого не делал. Бывал на экзаменах и так <же> приезжал в качестве ревизора, когда состоял председателем Учебного комитета. Иногда он бывал раздраженным и шумел на ректора и др<угих>. Однажды (это было в 1956 году, когда обнаружили дело инспектора архим. Леонида <Полякова>⁴⁶ в связи его с перепечаткой листка из сочинения Светлова⁴⁷) о<тец> протопресвитер собрал корпорацию преподавателей и профессоров и прямо обратился к архим. Леониду с резким укором, стуча кулаком по столу: «Я за вас стоял в Ленинград-

⁴⁵ Следуют зачеркнутые слова: «Он сам добровольно ушел».

⁴⁶ Леонид (в миру Лев Львович Поляков) (1913—1990), митрополит Рижский и Латвийский, доктор церковной истории.

⁴⁷ Павел Яковлевич Светлов (1861—1945), протоиерей, выпускник МДА, профессор. Православный публицист и богослов. Неизвестно, какое именно сочинение Светлова имеется в виду. По устному свидетельству помощника секретаря Совета МДА о. Николая Глебова известно, что в сер. 1950-х гг. в архив МДА было передано 9 машинописных томов П. Я. Светлова, которые в скором времени были конфискованы органами КГБ. Описываемый инцидент мог привлечь внимание к данным материалам и косвенно способствовать их изъятию.

ской академии при защите диссертации⁴⁸, и вы должны знать цену этой защите, и вы же меня здесь скомпрометировали». Мы все молчали. Мы все более или менее знали картину защиты⁴⁹ какой-то безграмотной диссертации, которую Ленинградская академия хотела провалить. Мы все сочувствовали протопресвитеру в его горячей деятельности за диссертацию, в которую он сам не верил, а действовал, как указали ему свыше, где тоже знали цену ей, но так было, очевидно, нужно по ходу церковной жизни. Много зависело от его болезни, которая его мучила и заставляла страдать. Он скончался летом 1961 года. Богослужение он совершал истово и был любим народом.

Священник Константин Иванович Карчевский⁵⁰. Хромал, <в прошлом> был «земгусар<ом>»⁵¹. Ранняя его биография мне неизвестна. Он был здесь в Москве учителем, кажется, ботаники, хорошо знаемый Ведерниковым. Священство получил в Академии. Закончил образов<ание> в МДА в 20-х годах, когда она, по сути дела, не существовала. Представил в нашу Академию на соискание ученой степени кандидата богословия что-то, кажется, о Посошкове, Петровском времени⁵². Хотел быть оригинальным, но плохо выходило. Преподавал в

⁴⁸ Имеется в виду магистерская диссертация иером. Леонида (Полякова) «Схиархимандрит Паисий Величковский и его литературно-переводческая деятельность» (Кн. 1, 2, 3. Ленинград, 1956. 350 с.; 351–518 с.; 332 с.), который уже будучи инспектором МДА приехал защищать ее в ЛДА. Диссертацию иером. Леонида никак нельзя назвать безграмотной, хотя в силу своего слишком обзорного характера она не могла решить серьезных научных задач. По устным воспоминаниям преподавателя МДС прот. Алексия Ширинкина, который оказался одним из многочисленных очевидцев защиты иером. Леонида (как учащийся 1-го класса МДС), на защите основным оппонентом о. Леонида выступил Н. Д. Успенский. Стал разгораться бурный диспут, который, к сожалению, был резко пресечен о. Николаем Колчицким, который заявил, что «все уже решено» в пользу защищавшегося. Все печально разошлось... Очевидно, что автор воспоминаний писал по слухам и сам данную диссертацию подробно не изучал.

⁴⁹ Слово «защиты» надписано над зачеркнутым «бестактичной».

⁵⁰ Константин Иванович Карчевский (1886 — 21 апреля 1965), протоиерей. См.: *Пушков 2002*. С. 152–153.

⁵¹ «Земгусар» — ироническое и пренебрежительное определение служащих снабженческих общественных организаций — Союза земств и Союза городов. Получив право на ношение офицерской формы (без погон), они не призывались в действующую армию.

⁵² *Карчевский К. И.* Мирозерцание крестьянина Посошкова Ивана Тихоновича. М., 1945. 109 с. (машинопись, имеется в библиотеке МДА).

Семинарии, стремился в Академию, но кто-то задерживал. Назначен инспектором Киевской семинарии, потом уволен. Теперь в Москве неизвестно где.

Вл<адимир> Семенович Вертоградов⁵³, проф. Св<ященного> Писания Ветхого Завета в Академии, окончил Казанскую духовную академию, хорошо эрудированный профессор, глубоко верующий и преданный Церкви человек. Активный. С. В. Савинский называл его «наш Савонарола». Он был другом ректора Академии прот. Т. Д. Попова. Помню, в самом начале деятельности нашей Академии ленинградский профессор, теперь отступник Осипов⁵⁴, представил в нашу Академию диссертацию на соискание ученой степени магистра богословия⁵⁵. Дали читать Вл<адимиру> Семеновичу. Чуть ли не на другой день Вл<адимир> Сем<енович> приезжал в Академию, шумно возмущался нахальством автора и, не дочитав диссертации, дал отрицательный отзыв. Диссертация долго валялась в архиве секретариата и перемешивалась с архивными делами. Потом он был инспектором и даже и. о. Ректора. Болезнь глаз заставила его уйти на пенсию. Он отличался кипучим характером, но не имел системы, поэтому его инспекторство и ректорство не ярко. Можно только напомнить его столкновение с инспектором о. Всеволодом Шпиллером⁵⁶, который сам установил себе выходной день и уезжал в Москву к Святейшему для информации или еще чего-либо. Это нервировало Вл. Сем<еновича>. Кроме этих неприязненных отношений с Вл. Сем<еновичем> были

⁵³ Владимир Семенович Вертоградов (1888–1964). Профессор Московской духовной академии, церковный историк. См.: *Пушков 2002*. С. 140–144.

⁵⁴ Александр Александрович Осипов (10 ноября 1911 — 25 октября 1967), отступник, бывший протоиерей и профессор Ленинградской духовной академии. См. о нем подробнее в публикации, опубликованной ниже: «“Богословский вестник” 1945 г.: новая находка на пути от дореволюционного к современному академическому журналу».

⁵⁵ В рукописи зачеркнуто: «Помню, как шумел в кабинете ректора Вл. Сем<еновича>, возмущенный еретическим...», — затем сверху надписано: «Представил в нашу Академию диссертацию на соискание ученой степени магистра богословия».

⁵⁶ Всеволод Дмитриевич Шпиллер (1902–1984), протоиерей. Клирик Болгарской Православной Церкви, с февраля 1950 года — Русской Православной Церкви; известный духовник и проповедник. См.: *Шпиллер И. В.* Воспоминания об отце Всеволоде Шпиллере. М., 1993; *Пушков 2002*. С. 150–151.

и другие, которые в общей своей сложности повлияли на увольнение Шпиллера.

Николай Петрович Доктусов⁵⁷ — это целая эпоха в нашем маленьком мире. Окончил Казанскую духовную академию, был там стипендиатом. Потом преподавателем в гражданских гимназиях. Человек со светским уклоном. В военное время был на юге, в местах своей службы. В Новороссийске был членом правления Университета или просто преподавателем. В Москве читал логику и русский язык квалифицированным ответственным работникам. Что побудило его возвратиться опять в духовное ведомство — не знаю. Он был из старых преподавателей в возрожденной школе: поступил вместе со мной. Это человек прекрасно эрудированный и легко ориентирующийся в административном отношении. Он сделал много проектов для учебных заведений. Мы с ним близко сдружились. В нем заметна была дипломатия. Он умел учитывать события в связи с общей политикой. И хорошо применялся к ней. Так например, он не был на Совете, когда здесь голосовали против Колчицкого. Я думаю, что он учел ситуацию и ее последствия. Это дало ему право потом открыто и смело говорить о неправильности провала протопресвитера РПЦ.

⁵⁷ Николай Петрович Доктусов (20 февраля 1883 — 27 июля 1959). В 1907 г. закончил Казанскую духовную академию, кандидат богословия. В 1907–1908 г. прослушал курс лекций на филологическом факультете Казанского университета. С 1908 г. начал преподавать в гимназиях г. Царицына, в 1919–1923 гг. — преподаватель Новороссийской гимназии. В 1923–1933 гг. преподавал в средних школах и на рабфаках, а затем до 1944 г. — в вузах г. Москвы. Основные преподававшиеся им предметы филологической направленности — русский язык и литература, а также старославянский язык и палеография. В МГУ защитил диссертацию на тему «Язык оригинальных русских повестей XVII века». В Богословском институте сначала преподавал гимнологию, затем — Новый Завет. В 1950 г. защитил магистерскую работу на тему «Армянская Церковь (История ее взаимоотношений с Церковью Вселенской. Ее вероучение и обряды сравнительно с православными)». С этого времени — профессор, секретарь Совета Московской духовной академии, до 1955 г. — инспектор Московской духовной академии и Семинарии. С 15 сентября 1955 г. в связи с назначением на должность секретаря Учебного комитета при Св. Синоде и заместителя председателя Отдела внешних церковных сношений Московской Патриархии прекратил административную и преподавательскую деятельность в Академии. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 52–58.

После Шпиллера он был назначен инспектором Академии и проводил с честью эту службу в течение нескольких лет. Как по наружному облику, так и по внутреннему настроению это был типичный инспектор православной семинарии времен расцвета школы. Каждый день он вставал к утренней молитве, всегда примерно одетый, выбритый, величавый. В церкви у него был порядок, ученики расставлялись по рядам, назначенные читать в церкви шли точно по расписанию. Каждый день он бывал за ученическим обедом, делал словесные объявления; он интересовался жизнью учеников, обходил ночью спальни. Всегда был в курсе дела. Он никогда не ссорился с ректором. Они с богослужения всегда шли вместе. Это было так торжественно и приятно. Секретарем Совета был я. Бывало, перед ними вставали разные вопросы, которые решались с последующим сообщением Совету, ошибались редко. Зимними долгими вечерами мы частенько собирались вместе (мы тогда жили в одном здании, я иногда по долгу службы оставался на несколько дней) и проводили товарищескую веселую беседу. Он ушел на пенсию примерно в 1957 г.

О себе я пропускаю. Пусть обо мне напишет друг летописца⁵⁸.

Иван Николаевич Аксенов⁵⁹, учитель пения, преподавал ранее в Духовном училище. Сухой человек, фанатичный любитель пения. Человек простого происхождения, в молодости был, кажется, сапожником. В преподавании был педантом. Он поставил хоровое пение в Академии образцово. Теперь он умер.

<Борис Васильевич> Вадковский⁶⁰ — племянник известного митрополита С<анкт>-Петербургского Антония. Преподавал греческий язык. Он в духовной школе не учился⁶¹, а потому не знал метода препода-

⁵⁸ Биографические сведения об авторе воспоминаний см. выше во вступительной статье, с. 858—864.

⁵⁹ Иван Николаевич Аксенов (1880—1958). Родился в г. Торопце Тверской губернии. В 1909 г. окончил двухгодичные курсы при Московском синодальном училище. С 1945 г. стал преподавать церковное пение в МДА. См.: *Пушков 2002*. С. 66—69.

⁶⁰ В рукописи после фамилии стоят точки.

⁶¹ Ошибочные сведения. Борис Васильевич Вадковский в МДАиС преподавал не только греческий, но и латинский язык. Возможно, однако неизвестно, в какой именно семинарии он учился (в докладной записке на имя архиепископа Саратовского и Сталинградского Григория он писал: «Греческий язык я изучал в духовной семинарии

давания в Семинарии. Вследствие этого его ученики или слабо знали, или просто ничего не знали. Латинский язык по совместительству преподавался Н. П. Доктусовым.

Зав<едующий> канцелярией⁶² был пожилой человек, окончивший Киевскую духовную академию, Василий Алексеевич Ивановский. В мирное время⁶³ он служил секретарем консистории и при приеме на службу полагал, что это ему поможет поставить канцелярию хорошо. Но несмотря на свою самоотверженность в работе, ему не удалось поставить канцелярию отлично. Даже до настоящего времени она здорово хромает. Василий Алексеевич — человек очень хороший, благочестив, услужливый, по штатской иерархии — высококультурный и грамотный. После него был кое-кто, Сергей Александрович Волков⁶⁴. Окончил МДА самого последнего выпуска. Преподавал в Загорской гимназии. Хорошо знал русский и французский языки. Канцелярию страшно не любил; имел побочные уроки по французскому яз<ыку> с иностранцами. Очень любезный человек, но неудержимо разговорчивый.

Помощников инспектора было много. Из них первый, который обратил на себя внимание, был Гаревский (и. о. забыл)⁶⁵. Этот надзира-

и гимназии» // Архив МДА. Личное дело Б. В. Вадковского. С. 1). Подробнее о нем см. в статье игум. Дионисия (Шленова), опубликованной выше: «Тернистый путь классических языков в Московских духовных школах» (С. 585–593).

⁶² В рукописи зачеркнуто слово «Библиотекарь», затем сверху надписано «Зав<едующий> канцелярией».

⁶³ Имеется в виду время до начала первой мировой войны.

⁶⁴ Сергей Александрович Волков (19 февраля 1899 — 21 августа 1965), обучался в МДА (1917–1920). С 1964 г. служил в МДА заведующим канцелярией и библиотекарем. В архиве МДА хранятся воспоминания С. А. Волкова об Академии (*Волков С. А. Московская Духовная Академия в 1917–1920 годах. Воспоминания бывшего студента Академии. Т. 1, 2. Загорск, 1965. 352 с., 312–511 с.*), большая часть которых была опубликована (см. последнее изд.: *Волков С. Возле монастырских стен. М., 2000*). См.: *Пушков 2002. С. 257–258*.

⁶⁵ Владимир Васильевич Гаревский (род. 20 сентября 1898 г.), выпускник Пермской духовной семинарии (1917 г.), по окончании которой был учителем в деревне Заболотье Пермского уезда (до 1919 г.). С 1923 по 1944 г. работал педагогом-воспитателем в лечебно-профилактических учреждениях г. Москвы. Был уволен из Академии через четыре года работы в ней в должности надзирателя (которая соответствует должности

тель очень активный; жил все время с учениками. Под конец спился и неизвестно как кончил жизнь. Второй <нрзб.> человек благочестивый, гуманный и интеллигентный. Ушел во священники⁶⁶.

4. РЕКТОРЫ

Поговорим о ректорах. Не сразу занялись эти должности. После о. <Николая> Чепурина (о нем было сказано выше) на ректорскую должность был назначен о. Тихон Дмитриевич Попов⁶⁷, магистр богословия, окончил Казанскую духовную академию, в это время он был

дежурного помощника в настоящее время). С юности заболел хроническим заболеванием легких; в 1945 г. при зачислении в Академию был инвалидом 2 группы (Архив МДА. Личное дело В. В. Гаревского. С. 1).

⁶⁶ Скорее всего, имеется в виду Александр Васильевич Руднев (род. в 1883 г.), выпускник Астраханской духовной семинарии (1905 г.). После краткосрочной работы в Астраханской мужской гимназии в должности помощника классного наставника (1905–1906 гг.) в течение многих лет (1906–1931 гг.) служил священником в Астраханской епархии. Затем работал в советских учреждениях в должности бухгалтера. С 1 января 1947 г. зачислен на должность педагога-воспитателя в МДС (Архив МДА. Личное дело В. В. Гаревского. С. 13). В таком случае фраза «ушел во священники» означает возвращение к священнослужению.

⁶⁷ Тихон Дмитриевич Попов (25 июня 1876 — 9 августа 1962), протоиерей. С 1913 г. — профессор богословия Воронежского сельскохозяйственного института. Избирался в члены 4-й Государственной Думы. С 1918 г. — приходской священник, затем настоятель кафедрального собора в Воронеже. Арестован Воронежским ЧК (1920), освобожден. С 1922 г. в обновленческом расколе. В 1922–1931 гг. — член Воронежского епархиального управления. В 1931 г. — член президиума обновленческого «Священного Синода». С декабря 1932 г. — «епископ Орехово-Зуевский, vicарий Московской епархии». С 1934 г. — «архиепископ Тульский». С 1936 г. — «управляющий Московской митрополией», «митрополит Московский». Арестован 2 июля 1938 г., приговорен к 5 годам ссылки в Казахстан. В 1944 г. принес покаяние, принят в общение с Московской Патриархией в сане протоиерея. Назначен ректором Московского Богословского института, в дальнейшем профессор МДА. Н. И. Муравьев в своих воспоминаниях несколько раз упомянул о полуслепом или слепом состоянии прот. Тихона, который окончательно ослеп в 1947 г. Незадолго до этого именно из-за угасания зрения он был освобожден от обязанностей ректора указом Святейшего Патриарха Алексия I от 23 октября 1946 г. А в 1951 г. прот. Т. Д. Попов был освобожден и от преподавания. Подробнее см.: *Пушков 2002*. С. 13–17.

<почти> слепым, <...>⁶⁸ перешедший из обновленцев, где он был митрополитом. Он, слава Богу, жив и здоров сейчас и недавно мне прислал сочувствующее письмо по поводу скончавшейся моей дорогой Леленьки. Этот человек умный с большой практической мудростью.

В то время Академия занимала в Новодевичьем монастыре Лопухинский корпус, подсобное помещение при трапезной Церкви. Ректор и канцелярия размещались на верхнем этаже Лопухинского корпуса. Здесь же была большая аудитория, где в настоящее время значится приемная комната митрополита Крутицкого, и сзади ректорской комнаты — маленькая аудитория, на первом этаже — кухня и столовая. В помещениях при церкви размещались остальные классы и спальни общежитий. <...>

<После того, как в 1945 г. Институту был передан Успенский храм>, о. Тихон Дмитриевич Попов усердно в храме проповедовал, призывал верующих к активному участию по восстановлению храма, <говорил> о смысле церковной жертвы свечами, о благоговейном отношении к храму и т. д. Церковь сливалась со школой. Почти вся школа принимала участие в богослужении за исключением некоторых учащихся, которые иподиаконствовали у Местоблюстителя патриаршего престола, у митрополита Крутицкого (вчера 13 декабря 1961 года скончался в Боткинской больнице. Упокой, Господи, со страждущими его душу). Это было время реформ духовной школы и самой жизни. <...>.

Нельзя без волнения вспоминать, с какой стойкостью переносили <учащиеся> текущие трудности жизни, топки, дежурства за хлебом! Полуголодные, полухолодные, они все же серьезно относились к урокам и учились, учились упорно. Чистим помещения, чистим снег сами. Так среди церковных служб, среди самообслуживания росла духовная школа. Дисциплина на уроках и вне уроков была примерная. Она и сейчас неплохая.

Инспектором в данное время был А. В. Ведерников. Я не знал крупных столкновений у него с учащимися. А. В. <Ведерников>, по моему, тяготился мелкими происшествиями с учащимися: ему нрави-

⁶⁸ В рукописи в скобках написано: «темная вода». О прот. Т. Д. Попове см. примеч. 67.

лось больше принципиальное теоретическое⁶⁹ занятие по воспитанию (кабинетное). С ректором отцом Тихоном у него были нелады. На какой почве, точно не могу сказать. Мне казалось, что А<натолий> Вас<ильевич> <Ведерников> слишком прислушивался к мнению верхних слоев духовной власти, где о. Т<ихон> Дм<итриевич> <Попов>, кажется, рассматривался больше обновленцем. О. Т<ихон> Дм<итриевич> <Попов> раздражался на А. В. <Ведерникова> за то, что последний как будто превышал свою власть, не считался с ним как ректором. А. В. <Ведерников> не любил о. Т. Д. <Попова> как некоего «консерватора», особенно в злободневном тогда школьном вопросе, какую именно форму должна получить современная духовная школа. Было два мнения. Одни видели идеал школы в старой последних времен Духовной академии. К этой партии примыкал и Местоблюститель, потом патриарх Алексий, но только с большой оговоркой — изжить светскость в Академии: профессора все должны были быть в сани, церковность должна глубоко проникнуть в быт учащихся. Другое мнение, которое отразилось в проекте о. Т<ихона> Дм<итриевича> <Попова>, заключалось в том, что при определении формы Духовной школы необходимо исходить из реальности: молодые люди поступают неподготовленные, <из> разнообразных слоев населения. Их требуется еще воспитывать и подготавливать к восприятию богословских наук. К тому же жизнь требовала скорейшего выпуска кандидатов священства⁷⁰. Большинство стояло за первый вариант реформы. О. Т<ихон> Дм<итриевич> <Попов> остался почти один со своим проектом. Он докладывал о нем на заседании Совета, где он также не прошел.

События с течением времени все развивались, и ожесточение между ректором и инспектором нарастало. Стычек между ними как будто бы не было, но их развели. О. Т<ихона> Дм<итриевича> <Попова> сняли с должности ректора, а инспектора Ведерникова уволили⁷¹.

⁶⁹ В рукописи зачеркнуто слово «обще» и сверху подписано «теоретическое».

⁷⁰ Н. И. Муравьев делает внизу «вставку» карандашом: «Второй вариант реформы, как мне помнится, заключался в том, что Семинария состоит из 2-х классов и Институт тоже из 2-х классов. Преподавать упрощенное».

⁷¹ Подробнее см. выше с. 879–880.

На ректорское место был назначен епископ Казанский Гермоген (Кожин)⁷². Он закончил Казанскую духовную академию в 1916 г. со степенью магистра богословия. Он показал удостоверение о магистер-

⁷² Гермоген (Кожин), епископ (1880–1954), митрополит Алеутский и Северо-Американский. Родился в станице Кумылженской (Кумыжленской) нынешней Волгоградской области, в семье псаломщика. Окончил Усть-Медведицкое духовное училище, Донскую духовную семинарию. В 1907 г. по окончании семинарии рукоположен во диакона, в 1908 г. — во священника. В течение пяти лет священствовал в казачьих станицах на Дону. Учился в Казанской духовной академии (1912–1916), которую закончил со степенью кандидата богословия. В 1917 г. защитил диссертацию на тему «Русская ультрамонтанская литература в защиту папской системы в сопоставлении с учением христианского откровения и голосом Вселенской Церкви» и получил ученую степень магистра богословия. Преподавал в Новочеркасском политехническом институте богословие и Закон Божий в мужской гимназии. В 1917 г. избран членом Поместного Собора Русской Православной Церкви, а в 1918–1920 гг. состоял членом Донского епархиального совета. Затем переехал в Кубанскую епархию, где священствовал на разных приходах. После 1922 года уклонился в обновленческий раскол. 21 сентября 1931 года, будучи в брачном состоянии, хиротонисан во епископа Темрюковского, викария Кубанской епархии, затем 7 марта 1932 г. — епископ Моздокский. С 7 марта 1932 г. — епископ Кубанский. 13 апреля 1932 года возведен в сан архиепископа. С марта 1934 г. — архиепископ Терский, управлял Северо-Кавказской митрополией. 5 декабря 1935 года возведен в сан митрополита Северо-Кавказского и Ставропольского. По отзывам о нем в каталоге обновленческих архиереев епископа Сергия (Ларина), «был злейшим обновленцем». Писал тезисы, направленные против Русской Православной Церкви, боролся с монашеской идеологией и из своей епархии изгонял православное духовенство. В 1943 году получил вторую панагию. Пребывал в обновленческом расколе до 1945 года. Принят чрез покаяние в общение с Московской Патриархией в сане протоиерея. Овдовел в 1945 году. Пострижен в монашество с именем Гермогена в 1945 году и вскоре возведен в сан архимандрита. 16 февраля 1946 г. в зале заседаний Св. Синода наречен во епископа Казанского и Чистопольского. 18 февраля 1946 года рукоположен в Воскресенской церкви в Брюсовом переулке во епископа Казанского и Чистопольского. Хиротонию совершали Святейший Патриарх Алексий, епископы Можайский Макарий и Кировоградский Сергей. Одновременно назначен временно ректором МДАиС. Здесь он читал курс истории западных исповеданий. В 1948 году на Пасху возведен в сан архиепископа. С 8 по 18 июля 1948 года был участником церковных торжеств по случаю 500-летия автокефалии Русской Православной Церкви. Соучаствовал в совещаниях патриархов и представителей Автокефальных Православных Церквей по предложенным Московской Патриархией вопросам: а) Ватикан и Православная Церковь, б) Экуменическое движение и Православная Церковь, в) Об англиканской церковной иерархии, г) О церковном календаре. По совокуности трудов Преосвященного Гермогена Совет Московской духовной академии

ской степени, кажется, без защиты⁷³. Он был тоже бывший обновленец, но раскаявшийся. Человек с широким кругозором, с широким размахом. При нем Академия была переведена из Новодевичьего монастыря в Лавру, в Загорск. Он был хороший администратор, заботливый к служащим и к педагогическому персоналу. С учащимися он был демократичен. Он умел сохранять свое достоинство во всех случаях жизни. Осведомленность у него была изумительная. Он был больной человек. Он страдал диабетом, какой-то у него был свищ. В виду этого распорядок дня у него был сложным; он жил где-то в Лосиноостровском, на квартире, и каждый день ездил на машине. Вел заседание Совета мастерски. Как ректор он с самого начала предложил видным преподавателям работать над научными работами на предмет получения ученых степеней. Н. В. Доктусову <он дал> (не помню, какую) тему, а мне — «Взаимоотношения Константинополя и Русской Церкви за последние 30 лет». На эту тему мне не удалось писать. Митрополит Крутицкий Николай, к которому я обратился за материалами, сказал мне, что тема в настоящих условиях церковной жизни будет сложная, по данной теме составлялся доклад от Патриархии, здесь требуется какая-то церковная политика. А он (митрополит Николай) был назначен на должность начальника Отдела церковных сношений. Я рассудил и отказался и избрал другую.

Недостаток в его управлении замечался в том, что он после занятий садился в машину⁷⁴ и уезжал домой до следующего дня. За ним уезжал также инспектор Владимир Семенович. Т<аким> обр<азом> Академия и Семинария были оставлены на дежурного по инспекции.

В биографии этого знаменитого ректора епископа Гермогена значится один случай, который я считаю фактом отеческого отношения

присудил ему в 1949 году ученую степень доктора богословия. 19 октября 1949 года перемещен на кафедру Краснодарскую и Кубанскую. Последним этапом церковного служения была его поездка в Соединенные Штаты Америки для устройства церковных дел Патриаршего Экзархата в связи с кончиной Экзарха митрополита Макария. 19 мая 1954 года возведен в сан митрополита и назначен митрополитом Алеутским и Северо-Американским. Скончался 3 августа 1954 года от инфаркта миокарда. 6 августа 1954 года погребен в каменной усыпальнице в правом пределе кафедрального собора города Краснодара. См.: *Пушков 2002*. С. 127–133.

⁷³ Сведения неверные. См. предыдущее примеч.

⁷⁴ В рукописи после слова стоят точки.

ко мне. Я был тогда секретарем Совета. Принимая во внимание мою работу, он сам дал мне из ректорского фонда 3000 рублей на лечение. Летом, узнав, что мы с Лелей собираемся в Кисловодск, он заранее снял там для нас квартиру очень хорошую. Это было для него легко, потому что он сам в Кисловодске имел свою дачу. Вообще, он оказал нам с Леленькой незабываемое внимание. Теперь они оба: и митрополит Гермоген, и Леленька — покойники... Упокой, Господи, в местах светлых, в селениях праведных их любвеобильные души!

<Однако значительно более значимым оказался> другой случай — представление его докторской диссертации. Тему его диссертации точно не помню, примерно <она такова>: «Критика соч<инения> Вл. С. Соловьева “Вселенская Церковь и Православие”»⁷⁵. Как он нам докладывал, диссертация у него не была закончена. Святейший потребовал ее незаконченной. Сначала Совет избрал читающих диссертацию для отзыва. Избраны были я и, конечно, Н. П. Доктусов и В. С. Вертоградов. Диссертация в большинстве случаев состояла из критических выдержек по этому вопросу, но они приведены были в систему и отвечали существу критически-полемического сочинения. Мы дали положительный отзыв. Неожиданно диссертацию отправили в Ленинградскую духовную академию, где ее разобрали по косточкам и признали плагиатом. Мы защищали ректора. Нас вызвал Святейший к себе и беседовал с нами. Мы горячо защищали. В результате этого, уже после того, как ему дали архиепископа и перевели на желаемую им Краснодарскую кафедру, его утвердили доктором богословия. При этом, очевидно, приняли во внимание его труды против Папы⁷⁶, которые стали заметны <и> за границей.

⁷⁵ Более точное название диссертации: «Критический разбор книги В. С. Соловьева “Россия и Вселенская Церковь”: опыт историко-канонического и догматического исследования». Ч. 1, 2, 3. Каз., 1949. 361, 162, 316 с. (машинопись).

⁷⁶ Архиеп. Гермоген был известен своим современникам как эрудированный богослов, неоднократно выступавший против папского примата Римо-Католической церкви. В библиотеке МДА сохранился сборник фундаментальных статей и публикаций Пьера Батифоля под общим названием «Престол св. Петра. Исследования по древней истории Церкви» (Краснодар, 1952. 594 с. (машинопись)), переведенный с франц. Н. И. Снежко под редакцией архиепископа Краснодарского и Кубанского Гермогена. Данный сборник состоит из трех частей: 1. Папы. Факты и вопросы возникновения

Помню, как он сильно волновался, когда во время отпуска в Кисловодске ему сообщили отставку ректорскую и назначение в Краснодар! Опять без меня меня уволили! В это время его известили, кому сдать дела, именно протоиерею Новокузнецкой Николаевской церкви о. Александру Павловичу Смирнову.

О. Александр Павлович Смирнов⁷⁷ был природный приходской прогрессивный батюшка-агитатор. Он любил говорить, и подолгу. Иногда слушаешь, слушаешь, да и потеряешь начало. Начнет про одно, конча-

папства. 2. Некоторые из титулов римского первенства. 3. Римский престол и Восток. Выбор именно данного автора был, несомненно, обусловлен его последовательной антимодернистской позицией. П. Батифоль († 13 января 1929 г.), будучи ректором Парижского католического института, в нач. XX в. решительно выступил против модернизма: «...история зарождения Церкви была самым лучшим вопросом, который можно было противопоставить смущающей критике Евангелия модернизмом» (из вступительной статьи автора). Быть может, участие в подготовке данного труда было своеобразным «покаянием» архиеп. Гермогена за свою многолетнюю принадлежность к обновленческому расколу. См. выше примеч. 72.

⁷⁷ Александр Павлович Смирнов (16 августа 1888 г. — 19 сентября 1950 г.), протоиерей. Родился в селе Криуши Корсунского уезда Симбирской губернии. Отец — священник этого села Павел Иванович Смирнов. Позже семья переселилась в село Игнатовка (Игнатово) Сенгальского уезда. Окончил Симбирское духовное училище. В 1909 г. поступил в СПбДА, в которой защитил кандидатское сочинение «Религиозно-этические вопросы в русской художественной литературе для пастыря Церкви». В 1913 г. — преподаватель латинского языка и гражданской истории в Симбирском духовном училище. Женится на дочери священника Поликарпа Виноградова Антонине. С декабря 1913 по 1918 г. — священник церкви святого мученика Никиты на Кузнецкой улице в Москве. Одновременно законоучитель одной из Московских женских гимназий. Когда о. Александр был переведен в Москву, он с женой поселился в маленьком домике возле храма святого мученика Никиты. В семье родились две дочери: Елена и Зоя. 6 ноября 1918 о. Александр был призван на военную службу в Красную Армию в тыловое ополчение, которое фактически было почти концентрационным лагерем. В 1920 г. был переведен по военной службе в город Симбирск. С 1921 г. — в заключении в советском концлагере. С 1928 по 1935 г. — протоиерей, настоятель Николо-Кузнецкого храма в Москве. В 1935 г. протоиерей Александр Смирнов вновь арестован, но через две недели освобожден. С 1935 по 1941 г. продолжил настоятельское служение в Николо-Кузнецком храме. По освобождении из Бутырской тюрьмы о. Александр поехал в Кремль с «двухдцаткой» храма за ответом на петицию, и ему вручили документ, подписанный И. В. Сталиным, что разрешают оставить храм. С 1941 по 1943 г. находился в эвакуации в Симбирске вместе с Патриаршим местоблюстителем митрополитом Сергием. С 1943 г. и до конца жизни — вновь настоятель

ет про другое. Кроме того, он любил вести в церкви вечером в воскресенье беседу с волшебным (проекционным) фонарем. Беседы шли по календарю, т<ак> ч<то> народ хорошо знал, какой день настоящий и что св<ятая> Церковь помнит в этом дне. В церкви собиралось много народа. Также дни беседы он вел в будний вечер в Академии, и вел их аккуратно. Однажды он, уезжая куда-то, поручил мне провести беседу на тему о мучениках первохристианской Церкви. Я это сделал весьма удачно.

Приехал он в Лавру вступать в должность ректора в будничнейший день. День был солнечный, теплый. Мы встретили его в палисаднике на улице. Он, видимо, не ожидал этого и был доволен. Очевидно, он боялся холодного приема. Он был хорошим ректором, но своеобразным, мягкотелым и малодисциплинированным. Тоже каждый день ездил в свой приход, от которого не отказывался. При нем начал действовать инспектор протоиерей Вс<еволод> Шпиллер. Уже с самого начала у Ал<ександра> Павл<овича> и Шпиллера начался раздор. Это было видно из ремонта квартиры ректора и инспектора. Этот ремонт шел еще в старом корпусе над столовой. Шпиллер к этому времени жил в Загорске и был заинтересован в жилплощади. Он мастерам все указывал прихватить к его квартире еще одну комнату, а Ал<ександр> Павлович, хотя не имел в этом нужды, отстаивал в свою пользу комнату. К сожалению, скоро Ал<ександр> Павл<ович> скончался скоропостижно от сердечной болезни. После А. П. Смирнова (Царство ему Небесное и вечный покой) Патриарх, по докладу арх. Григория, назначил телеграммой с юга временно исполняющим обяз<анности> ректора Вл. Сем. Вертоградова, а инспектором <назначил> прот. Вс<еволода> Шпиллера.

Никола-Кузнецкого храма в Москве. Также с 1943 по август 1949 г. — ответственный секретарь редакции ЖМП. С 15 августа 1949 по 19 сентября 1950 г. — ректор Московской духовной семинарии (там же преподаватель Священного Писания и Нового Завета) и и. д. ректора Московской духовной академии. Погребен на Даниловском кладбище в Москве. См.: Пушков 2002. С. 134–139.

5. БУДНИЧНЫЕ И ПРАЗДНИЧНЫЕ СОБЫТИЯ

Параллельно описанным выше событиям (1945—1947 гг.) шла кропотливая работа очищения от загрязнения комнат и актового зала старой Духовной академии в Лавре, в Загорске. Опять под управлением студента Павла Голубцова. Студенты Академии на подмостках проделали скрупулезную работу очищения летних потолков, стен мелкими скальпелями. Работа пыльная и трудная. Окончилась удачно. Вообще же реставрация шла с соблюдением документальных данных. Сначала фотографировали положение настоящее, а потом, после реставрации, — результат. Состояние здания до реставрации было ужасное. Здесь было общежитие: печки переносные, мусор и проч. Кроме того, там был одно время лазарет, а центрального отопления не было. Картина разрушения исторического здания. Но воодушевленная студенческая братия все преодолела и восстановила здание, которое красуется до сего дня.

Летопись бы не была полной, если бы не сказать о времени 1947—1949 гг. с другой стороны. Одновременно с подготовлением переезда Академии в Загорск, в Лавру, по-новому, оживленно протекала церковная жизнь. Шла подготовка к 500-летию автокефалии Русской Православной Церкви. По мысли Патриарха, Его Святейшества Алексия должен быть Собор Поместный, а получился больше чем Поместный Собор, почти что Вселенский Собор. Но официально это был Поместный Собор в присутствии всех Патриархов. Некоторым из нас поручили сделать доклады на Соборе. Мне было поручено написать и доложить юбилейную речь о 500-летнем юбилее РПЦ <и> о монофизитской Коптской церкви. Последний доклад за неимением времени был снят с повестки еще до заседания Собора. Напечатан был один доклад в виде брошюры⁷⁸ и переведен на иностранные языки. По словам нашего корреспондента, брошюра за границей имела успех. Жаль только, <что> при произнесении речи покойный теперь митрополит Николай, будучи секретарем Собора, торопил меня, и я второпях выкинул из доклада целые страницы. Собор проходил в Воскресенской

⁷⁸ *Муравьев Н. И.* Пятисотлетний юбилей Автокефалии Святой Русской Православной Церкви. М.: Изд. Московской Патриархии, 1948. 43 с.

церкви в Сокольниках. На Соборе присутствовали патриархи — Московский, Александрийский (представитель), Антиохийский, представитель Иерусалимской <Церкви>, представитель Константинопольского <патриарха>, Грузинский, Болгарский, Румынский, Сербский и много других митрополитов. Результат работы изложили в двух томах «Деяний совещаний глав и представителей автокефальных Православных Церквей»⁷⁹. Стало быть, это историческое явление было не Собором Поместным, а совещанием Поместных Церквей.

На это время падает улучшение нашего снабжения. Нам выдали, кажется, рабочие карточки, и в определенных магазинах по ним снабжали. Леля была в восторге от этого положения. Но зато она, получая эти продукты, надорвалась от тяжести. Я об этом из ее слов узнал после. Все это сказало на современном ее положении и повело к могиле. Как я плачу от этого! Впрочем мы никогда не продумываем дела. А вообще — Божья Воля!

Это время падает на ректорство епископа Гермогена и А. П. Смирнова — начинающее восхождение Академии. С каждым годом все увеличивалось желание поступить в духовно-учебные школы. С этим росла потребность в расширении классов. Совет по делам Церкви, возглавляемый Г. Г. Карповым⁸⁰, был лоялен. Все члены Совета были доступны и не имели в себе того зверского отношения, каково заключается в настоящих вражески настроенных членах Совета. Мы отдавали Божье — Богови, а Кесарю — Кесарево⁸¹. Было хорошее настроение и отношение и в настоящее время, несмотря на искусственно созданный барьер в отношении к нам.

После длительного перерыва снова хочу писать о недавнем прошлом. Смерть моей милой и дорогой Леленьки оставила глубокий след как на физическом здоровье, так и на душевном. На физическом — болезнь сердца, а на душевном — слабость памяти. О всем этом можно судить

⁷⁹ Полное название: Деяния Совещания глав и представителей Автокефальных Православных Церквей в связи с празднованием 500-летия Автокефалии Русской Православной Церкви 8–18 июля 1948 года. Т. 1, 2. М., 1949. 447 с., 463 с.

⁸⁰ Георгий Григорьевич Карпов (7 июня 1898 г. — 18 декабря 1967 г.), председатель Совета по делам Русской Православной Церкви при Совете Министров СССР.

⁸¹ Ср.: Мф. 22, 21; Мк. 12, 17; Лк. 20, 25.

по почерку руки. В предыдущих листках я остановился на известии о 500-летнем юбилее РПЦ и некоторых событиях этого периода. Продолжаем. Съезд состоялся в 1948 году. В это время Академией управлял архиеп. Казанский Гермоген. Краткая характеристика его мною дана выше. Он жил где-то в Лосиноостровске и никого не приглашал к себе. Каждый день ездил на машине от Лавры и обратно. Однажды, помнится, он заехал ко мне на квартиру. Это, кажется, были дни лета или осени; я был болен, а он был в пиджаке. Я был удивлен и первоначально думал, что он пришел навестить меня как больного; он был демократ. Царство ему Небесное по духу. Оказалось, он заехал по делу. Мы, говорит, решили предоставить вам написать речь на заседании юбилейном. Я согласился, несмотря на то, что кафедра Истории Русской Православной Церкви была в руках И. Н. Шабатина⁸². С этого времени я начал работать и закончил ее вовремя, к началу июля месяца, и получилось, кажется, хорошо. Торжества юбилея проходили в Москве, в Загорске еще не закончена была реставрация Академии, да и Лавра тоже была не в порядке...⁸³

Вступительная статья архим. Платона (Игумнова),
публикация текста и примечания Редакции

⁸² «Профессор Иван Никитич Шабатин (1898—1972) занимал кафедру по истории Русской Церкви. К сожалению, он постоянно отвлекался к тематике, для нас не нужной. Мы его ценили не как преподавателя, а как писателя — церковного историка. В «Журнале Московской Патриархии» появлялись написанные им статьи, прикрытые псевдонимом «Никита Волнянский». Даже супруга его не знала, что за этим именем стоит ее муж. Обнаружила она это случайно, когда в память о нем была устроена в вестибюле чертогов выставка, где представлялись и труды профессора И. Н. Шабатина» (Скурат К. Е. Воспоминания и труды по патрологии. Яхрома, 2006. С. 52). Подробнее см.: Пушков 2002. С. 105—115, а также выше статью архим. Макария (Веретенникова) «Церковный историк профессор Иван Николаевич Шабатин».

⁸³ Воспоминания обрываются.